

ПОД МАСКОЙ

Штрихи к портрету Паоло Соррентино

Когда книга еще только началась, а читатель не успел опомниться и привыкнуть к потоку мыслей, эмоций, воспоминаний и мизантропических максим его героя — неаполитанского поп-певца Тони Пагоды, — тот внезапно решает прервать свой и без того беспорядочный рассказ, чтобы преподать нам «первый урок соблазнения» (это одна из многочисленных обманок романа — никакого второго урока не предвидится). «У вас в запасе одно оружие — зато такое крутое и мощное, что горы сдвинет. Это оружие — слово, — сообщает он, добавляя чуть ниже: — Двигатель соблазнения — блеф».

Паоло Соррентино соблазняет нас своими фильмами и текстами, заговаривает и даже забалтывает потоком со-

знания, плавно перетекающим в поток бессознательно-го, и, конечно, при этом блефует, выдавая демонстративное презрение к форме за особенно изысканную форму. А иногда наоборот. Но эта стратегия неизменно работает. Ошарашенная публика даже не успевает поймать автора на слове и осознать, что весь он состоит из внутренних противоречий. Или, скажем иначе, парадоксов, лучших друзей гения.

Взять для примера название дебютного романа Соррентино: «Правы все». Это утверждение — выдержка из монолога второстепенного персонажа, который появляется в самом финале, и уж точно она не выражает точку зрения Тони П.: недаром тот во вступлении признается, что его бесит всё, а больше всего — он сам. Сам Соррентино тоже бесит не меньшее количество людей, чем тех, кого восхищает. Одни видят в нем крупнейший талант, появившийся в Италии со времен смерти Феллини, другие — ловкого мошенника, научившегося имитировать Феллини. Режиссер охотно признает это влияние: например, в последнем на момент написания этого предисловия своем фильме (и самом признанном — как-никак Гран-при Венецианского фестиваля), снятой для Netflix автобиографической «Руке бога» (2021), отправляет старшего брата своего альтер эго на кастинг к Феллини. Голос мэтра даже звучит за кадром... Но сам Соррентино при этом своим ментором объявляет вовсе не известного большинству Антонио Капуано, у которого и вправду учился, вместе с которым делал свои первые шаги в искусстве. В конце «Правы все» ему (в отличие от Феллини) вынесена отдельная благодарность.

Соррентино — ускользающий режиссер, прячущий за потоком слов и образов подлинную боль, страсть, жизнь. За это умение его и любят, и ненавидят.

Называя свой фильм «Молодость» (2015) и ставя на его постер юную обнаженную женщину ослепительной красоты (женская нагота — любимый фетиш Соррентино, столь непривычный в нынешнем осторожничающем мире), главными героями он делает двух мало на что способных стариков, доживающих финальные годы в швейцарском санатории. Когда Соррентино публикует «Права все», ему сорок лет, его герою на первых страницах — уже сорок четыре, и время для него течет неумолимо: страх бессилия, забвения и смерти овладевает им под Новый год, когда группа Тони Пагоды поздравляет свою публику с эстрады... к финалу герою уже 75, его конец близок. Да что там, герои абсолютно всех фильмов и книг Соррентино старше его самого. Кроме разве что вымышленного понтифика Пия XIII в исполнении нестареющего Джуда Лоу. Да и того на ватиканском престоле в «Новом папе» (2020) сменил Иоанн Павел III — респектабельный Джон Малкович.

Понтифики, политики, мафиози, певцы, композиторы. За каждым из них — сам Соррентино. Но он отлично спрятался. Самое личное, болезненное, уязвимое режиссер привычно скрывает за гротеском и маской. Раз уж упомянута Венеция, где началась профессиональная карьера и слава Соррентино (его дебютный «Лишний человек» в 2001 году был показан там), куда он перенес финал «Молодого папы» и где был увенчан за «Руку бога», как не вспомнить о комедии дель арте, венецианской драматургии масок?

Тони Сервилло, любимый артист и близкий друг Соррентино, которого тот называет «старшим братом» (разница в возрасте — 11 лет), на театральной сцене прославился в качестве эксперта по дель арте, ставил Гольдони как режиссер и исполнял его как актер. Само его лицо, одновременно узнаваемое и пластичное, работает как маска — в пронзительных «Последствиях любви» (2004), где он играет влюбившегося, на свою беду, бухгалтера мафии, типичного «человека в футляре», в язвительных и сюрреалистичных политических фильмах — «Изумительном» (2008), где он преобразается в экс-премьер-министра Джулио Андреотти, и «Лоро» (2018), где становится убедительным Сильвио Берлускони. Наконец, в обретшей заслуженную культовую славу оскароносной «Великой красоте» (2013), где за вальяжной манерой бывшего светского журналиста Джепа Гамбарделлы скрыты травмы юности.

В «Лишнем человеке» сотрудничество Соррентино и Сервилло началось. Там артист, в те годы почти не снимавшийся в кино и известный больше по театральным работам, играл одного из двух однофамильцев-двойников — нарциссичного поп-певца Тони Пизаппа (второй был футболистом-неудачником), чью карьеру разрушал секс-скандал. Из этого незабываемого персонажа и вылился герой-рассказчик романа «Правы все» и его сиквела, вышедшего год спустя сборника новелл «Тони Пагода и его друзья». Аудиокнигу «Правы все» тоже записывал Сервилло. Он среди тех, кому Соррентино посвятил свой литературный дебют: «Его физиономия в очках "Рэй-Бэн" с голубыми стеклами и рыжий парик служили мне ориентиром при создании Тони Пагоды».

Почему именно певец? Возможно представить себе еще одно вымышленное амплуа из непрожитой жизни — футболиста; поп-музыка и футбол — две главные страсти Соррентино. Но если футбол в его глазах — искусство божественное (первым вдохновившим его гением режиссер не раз называл Диего Марадону), то низменные и сентиментальные шлягеры постмодернист Соррентино с большим удовольствием и охотой уподобляет тому кинематографу, которым он увлечен. Кстати, он сам в «Лишнем человеке» был соавтором хитов, исполненных со сцены и экрана блистательным Тони Пизаппа; неслучайные отсылки к ним есть и в романе «Правы все». Блеск и нищета, авансцена и закулисы, неуязвимый образ и скрытые под гримом раны. В них ключ и к фанфаронству, и к трогательности искусства Соррентино.

Как не вспомнить еще один фильм режиссера — быть может, самый недооцененный, его первый англоязычный экзерсис «Где бы ты ни был» (2011), совпавший по времени выхода с книгой. Шон Пенн играет там Чейена — всемирно известную рок-звезду, чье лицо всегда скрыто за густым гримом (Соррентино вдохновлялся Робертом Смитом из The Cure). После смерти отца, с которым он не был близок, герой отправляется на поиски его палача — нациста из концлагеря, ныне скрывающегося в США. Разумеется, эта одиссея — путь к себе, к первому за взрослую жизнь шансу наконец-то смыть прилипший грим, ставший вторым лицом.

Такую же дистанцию проходит сам Паоло Соррентино, после пятидесятилетия приступая к «Руке бога» — картине, которую он, по собственному признанию, постоян-

но оттягивал, как поход к дантисту, и осмелился осуществить только после своего пятидесятилетия. Снимая маску и передоверяя вечному Сервилло роль своего отца, он делает фильм о своей молодости, уже без кавычек. Впервые обходится практически без закадровой музыки, всегда служившей удобным покровом для подлинных чувств. И рассказывает без обвиняков о трагическом факте своей биографии, из которого родился его уклончиво откровенный, болезненно красивый, хаотично-формалистичный кинематограф: одновременной гибели обоих родителей.

«Правы все» написан на этапе, когда Соррентино еще не готов к этой финальной честности. Тони Пагода — его персональный эскейп. А для самого Тони, балансирующего на грани нервного срыва, стратегией эскейпа становится внезапный побег из успешной, суматошной и несчастливой жизни в Италии в далекую невероятную Бразилию, где (если верить ненадежному рассказчику) обитают самые красивые в мире женщины и самые гигантские тараканы. Но, уехав, он все равно вынужден вернуться, хоть и спустя целую вечность. Как возвращается домой Чейен. Как в конечном счете возвращается к своему детству сам Паоло Соррентино.

Забираясь в глубь этой матрешки, разоблачая — как водится, не без слез, — эту луковицу, непременно доберешься до сердцевины. В «Правы все» это скрытая за показным цинизмом трагическая история первой и важнейшей любви Тони — его Беатриче (итальянец, берясь за перо, не может сбежать из-под тени Данте). И, конечно, гротескный, но вместе с тем трогательный сюжет

с летучей мышью и потерей невинности в объятиях немолодой баронессы: этот мемуар, по всей видимости, правдив, поскольку с похвальной точностью воспроизведен в открыто автобиографической «Руке бога». Что до Батриче, то мы не узнаем, была ли она на самом деле. Возможно, именно она — тот самый прекрасный образ из прошлого (и единственного романа!) Джепа Гамбарделлы, героя «Великой красоты».

Этот бонвиван и скептик — самый популярный из героев-масок Соррентино и Сервилло — будто оживший дух Рима. Но Гамбарделла, как и сам режиссер, родом не отсюда. Осиротев и твердо решив посвятить жизнь кинематографу, Соррентино покинул родной Неаполь и уехал в Рим, о котором и снял прославившие его фильмы. Восхищенный взгляд провинциала-южанина помог найти точную оптику для разговора о Вечном городе, где в воздухе днем и ночью носится смертоносный синдром Стендаля. В Риме заканчивается и действие «Правы все». Но величественная колыбель цивилизации — еще одно умело выбранное прикрытие, чтобы заслонить от нескромных взглядов посторонних очертания Везувия, бесконечно тянущуюся береговую линию, узкие улочки, аромат и вкус воспетого в этом романе и двух фильмах режиссера — дебютном «Лишнем человеке» и итоговой «Руке бога», — Неаполя.

Как говорит один из персонажей книги, «здесь нет места для плоского, здесь выживает только объемное, только оно имеет значение» (спор, впрочем, идет о преимуществах закрытой пиццы «Кальцоне» перед «Маргаритой»). Это — отправная точка для всех путешествий: на райский Капри или куда подальше. Теплое море Неа-

поля смывает все наносное, искусственное и случайное, оставляя место для детской открытости, влюбленности и мечты, которые и создают магию фильмов и текстов Паоло Соррентино.

Антон Долин

*Моей маме,
которая именно так и думала*

Однажды вы опускаете руки, смиряетесь,
и все даже посреди хаоса сменяет одно другое
с неумолимой определенностью.
ГЕНРИ МИЛЛЕР¹

¹ Перевод А. Куприна. *(Здесь и далее примеч. перев. и ред.)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

маэстро Миммо Репетто

(написано на рассвете дня, когда ему исполнилось сто лет)

У всего, что меня бесит, есть название.

Меня бесят старики. С капающей слюной. Вечно ноющие. Бесполезные.

Если они пытаются быть полезными — еще хуже. Меня бесит то, что старики зависят от других.

Бесят звуки, которые они издают. Всякие, повторяющиеся. То, что они обожают сочинять истории.

Истории, в которых они на белом коне. Всех, кто моложе, они презирают.

Впрочем, те, кто моложе, меня тоже бесят.

Меня бесит, когда старики скандалят и требуют уступить им место в автобусе.

Меня бесят молодые. Наглые. Хвастающиеся силой и молодостью.

Строят из себя непобедимых героев, это просто смешно.

Меня бесят молодые нахалы, которые не уступают старикам место в автобусе.

Меня бесят хулиганы. Которые противно ржут безо всякого повода.

И презирают всех, кто на них не похож. Но еще сильнее меня бесят хорошие, ответственные, вежливые ребята. Которые с утра до вечера заботятся о других или молятся. В их сердцах и головах осталось место для двух вещей — добрых поступков и смерти.

Меня бесят капризные, самовлюбленные детки и их помешанные, заикливые на отпрысках родители. Бесит, когда дети орут и рыдают. Тихонь я побаиваюсь, поэтому они меня тоже бесят. Меня бесят занятые и безработные, бесит, когда безработные старательно всем показывают, что Господь их обделил.

При чем тут Господь? Нечего сидеть сложа руки.

А разве не бесят те, кто все время борется, отстаивает свои права, ходит по митингам, а у самих из-под мышек воняет? Бесят, да еще как.

Меня бесят менеджеры. Вряд ли нужно объяснять почему. Бесят мещане, спрятавшиеся в своем душном мирке, как улитка в раковине. В их жизни главное — страх. Страх всего, что в эту раковину не влезает. Поэтому все они снобы, хотя и не знают значения этого слова.

Меня бесят влюбленные парни, потому что они всем мешают.

Бесят влюбленные девчонки, потому что они вечно лезут куда не надо.

Бесят люди с широкими взглядами, толерантные, без предрассудков.

Такие правильные. Такие безупречные. Такие идеальные.

Можно все, нельзя только убивать.

Ты их критикуешь, а они благодарны за критику. Ты их презираешь, а они растроганно благодарят. Вечно ставят тебя в неловкое положение.

Потому что они объявили злости бойкот.

Такие не могут не бесить.

Они спрашивают «Как дела?» и на самом деле хотят это знать. Неожиданно. Прикрываются бескорыстным интересом, но тайком точат нож.

Еще меня бесят те, кто никогда не создает неудобств. Все из себя послушные, верные, надежные. Преданные подлизы.

Меня бесят любители играть на бильярде, бесят прозвища, бесят нерешительные и некурящие, смог и чистый воздух, торговые представители, пицца на развес, принятые условности, круассаны с шоколадом, костры, биржевые маклеры, обои в цветочек, честная и справедливая торговля, беспорядок, защитники природы, гражданская ответственность, кошки, мышки, безалкогольные напитки, неожиданные телефонные звонки, долгие телефонные разговоры, те, кто утверждает, что полезно выпивать бокал вина каждый день, те, кто притворяется, будто забыли, как тебя зовут, те, кто оправдывается, выдавая себя за специалистов, одноклассники, которые спустя тридцать лет встречают тебя на улице и называют по фами-

лии, старики, которые непременно напомним, что сражались в Сопротивлении, молодые с пустым кошельком, которым нечем заняться и которые открывают художественные галереи, бывшие коммунисты, которые обожают бразильскую музыку, отцветшие красотки, которые с придыханием говорят «волшебство», модники, которые твердят «офигенно» и «круто», жеманники, которые восклицают «миленько, симпатичненько, чудесненько», экуменисты, которые ко всем обращаются «возлюбленный брат», дамочки, которые шепчут «я тебя обожаю», счастливчики, умеющие играть на слух, те, кто делает вид, что не слышат, когда ты к ним обращаешься, высокомерные типы, которые всех осуждают, феминистки, те, кто ездит на работу на электричке, заменитель сахара, стилисты, режиссеры, автомагнитолы, танцовщики, политики, лыжные ботинки, подростки, замы важных начальников, рифмы, состарившиеся рок-певцы в облегающих джинсах, спесивцы, нагоняющие скуку писатели, родственники, цветы, блондины, поклоны, полочки, интеллектуалы, уличные артисты, медузы, волшебники, ВИПы, насильники, педофилы, все цирковые, деятели культуры, соотработники, развлечения, любители животных, галстуки, фальшивый смех, провинциалы, катера на подводных крыльях, коллекционеры всего на свете, особенно те, кто собирает часы, любое хобби, врачи, пациенты, джаз, реклама, детские конструкторы, мамы, фанаты баскетбола, все актеры и все актрисы, видеоарт, луна-парки, экспериментаторы всех мастей, супы, современное искусство, сидящие у себя в мастерских пожилые ремесленники, гитаристы-самоучки, памятники на площадях, необходимость целовать ручку, салоны красоты, смазли-

вые философы, бассейны с избытком хлорки, водоросли, воры, анорексички, отпуск, любовные письма, прелаты и служки, лекарства в свечках, этническая музыка, липовые революционеры, моллюски, мишки панда, акне, барабанщики, душ со шторкой, странные прихоти, мозоли, безделушки, родинки, вегетарианцы, пейзажисты, косметика, оперные певцы, парижане, водолазки, ресторанная музыка, праздники, собрания, квартиры с панорамным видом, заимствования из английского, неологизмы, папенькины сынки, дети актеров, дети богачей, чужие дети, музеи, мэры и все их советники, демонстранты, поэзия, колбасники, ювелиры, противоугонные устройства, цепочки из желтого золота, лидеры, люди из толпы, проститутки, низкорослые и дылды, похороны, волоски на теле, мобильники, бюрократия, инсталляции, автомобили независимо от объема двигателя, брелоки, барды, японцы, руководители, расисты и толерантные, слепые, облицовочный пластик, медь, латунь, бамбук, повара в телевизоре, толпа, автозагар, лобби, сленг, пятна, содержанки, рог изобилия, заики, постаревшие молодые и моложавые старички, снобы, радикальный шик, эстетическая хирургия, окружная дорога, растения, мокасины, сектанты, телеведущие, знать, запутавшиеся нитки, полуголые девицы на телеэкране, комики, игроки в гольф, научная фантастика, ветеринары, манекенщицы, политические беженцы, тупицы, ослепительно-белые пляжи, новые культы и их приверженцы, некачественный кафель, упрямы, профессиональные критики, парочки типа «он молод, она в летах» и наоборот, возрастные, все, кто носит шляпы, все, кто носит солнечные очки, солярий, пожар, браслеты, блатные, военные, азартные теннисисты,